

Н. Т. САУРАНБАЕВ

ДИАЛЕКТЫ В СОВРЕМЕННОМ КАЗАХСКОМ ЯЗЫКЕ

1

Одним из отстающих разделов казахского языкознания является казахская диалектология. Дореволюционные тюркологи не обращали внимания на изучение диалектов и говоров. Большинство исследователей считало, что в казахском языке отсутствуют какие бы то ни было диалектные различия¹. Это же мнение разделяли и казахские языковеды до 1937—1938 гг. Только начиная с 1937 г. стали проводиться экспедиции по собиранию материалов по казахским диалектам. Однако долгое время эти материалы оставались необработанными. Лишь с 1946 г. стали появляться отдельные статьи по казахской диалектологии².

После окончания войны С. А. Аманжолов изучил материалы диалектологических экспедиций и написал докторскую диссертацию на тему «К вопросу о казахской диалектологии». К сожалению, эту работу автор по неизвестной причине до сих пор не опубликовал. В 1951 г. вышел в свет небольшой диалектологический сборник³. В 1954 г. сдана в печать работа Ж. Доскараева «Материалы областной лексики казахского языка». Наконец, в 1953 и 1954 гг. на страницах журнала «Вопросы языкознания» были опубликованы статьи С. А. Аманжолова и Ж. Доскараева о диалектах казахского языка⁴. Таким образом, казахские языковеды вопросами казахской диалектологии вплотную стали заниматься только за последние 8 лет.

В связи с этим среди лингвистов казаховедов возник ряд спорных вопросов, которые были предметом специального обсуждения на дискуссии по вопросам казахского языкознания, проведенной в феврале 1952 г. В силу малой изученности казахских диалектов дискуссия не могла решить эти спорные вопросы. Она показала низкий уровень диалектологических исследований в Казахстане и вынесла решение о необходимости дальнейшего изучения диалектов и говоров казахского языка. При этом указывалось на то, что диалекты должны изучаться не в рамках жузов или родо-племенных объединений, а в связи с историей

¹ См.: В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, ч. III, СПб., 1870, стр. XVIII; П. М. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка, ч. I, СПб., 1894, стр. 3.

² См. Ж. Доскараев, Краткий очерк о южном диалекте казахского языка, «Известия АН Казах. ССР», Серия филологическая, вып. 4 (29), 1946; С. Аманжолов, К истории изучения казахских диалектов, «Известия АН Казах. ССР», № 77, Серия лингвистическая, вып. 5, 1948.

³ Ж. Доскараев, Г. Мусаббаев, Местные особенности казахского языка, ч. I, Алма-Ата, 1951 [на казах. языке].

⁴ С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, ВЯ, 1953, № 6; Ж. Д. Доскараев, Некоторые вопросы диалектологии и истории казахского языка, ВЯ, 1954, № 2.

всего казахского народа, специфическими особенностями хозяйственной и культурной жизни населения отдельных территориальных районов Казахстана, а также с учетом взаимосвязи казахского языка с другими языками.

2

Продолжающиеся донныне споры о казахских диалектах идут не в плане отрицания или признания их в казахском языке, а в направлении классификации и определения их генезиса. Многие казахские языковеды возражают не против диалектов, а против родо-племенной их природы.

Констатируя имеющиеся в казахском языке диалектные различия, мы расходимся с некоторыми языковедами, в частности с С. А. Аманжоловым, в понимании этих различий. Серьезное сомнение вызывает положение о том, что современные диалекты или говоры якобы имеют реальную связь с теми родо-племенными диалектами, которые существовали в период до образования единой казахской народности. С. А. Аманжолов в одной из своих брошюр писал следующее: «Казахские диалекты — это противоположность литературного языка, в своей основе они — язык родов и племен, их остатки... Одним словом, их можно называть языком племен и народов»¹. Здесь автор с предельной четкостью сформулировал свою точку зрения на современные диалекты, определяя их как языки родов и племен. Такое, как нам кажется, неправильное понимание диалектов привело автора к признанию лишь родо-племенных диалектов и отрицанию существования единого языка, ответвлением которого являются диалекты. Общепородный язык, в понимании С. А. Аманжолова, — это совокупность родо-племенных диалектов. Едва ли нужно доказывать ошибочность и надуманность подобного представления о современных диалектах и об их отношениях к общепородному языку.

Мы не отрицаем возможности исторической связи казахского языка с языками тех племен и родов, которые жили в древности на территории Казахстана и которые вошли в этнический состав казахского народа. Но в силу происходивших изменений как в языке, так и в жизни его носителей эта связь ныне стала почти неуловимой. Нам представляется, что процесс складывания единого языка казахской народности сопровождался прежде всего нивелировкой и утратой черт родо-племенных диалектов. Этому процессу не мог не способствовать, например, такой факт, как смешение родов и племен тюркского происхождения, а также различных этнических групп других, иноязычных народов. Разноплеменность этнического состава казахов была отмечена многими дореволюционными исследователями. Н. А. Аристов писал: «... по своему географическому положению, киргиз-казахские степи помещали все непосредственно спускавшиеся в них с Алтая тюркские племена, а потом дали приют и остальным тюркским племенам, обитавшим первоначально в Монголии, так что в составе киргиз-казаков можно ожидать найти представителей всех главнейших и древнейших тюркских племен»². Аналогичные сведения сообщает акад. В. В. Радлов. В частности, он писал: «О происхождении киргизов (казахов. — Н. С.) нам очень мало известно. Родовые их имена свидетельствуют о том, что и киргизы образовались из различных народов, как это доказывают, напр., названия племен: кыпчак, аргын и най-

¹ С. Аманжолов, Казахский литературный язык, Алма-Ата, 1949, стр. 8 [на казах. яз.].

² Н. А. Аристов, Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности, СПб., 1897, стр. 76.

ман (последнее бесспорно монгольского происхождения). Но повидимому эти различные элементы слились между собою уже очень давно, потому что китайцы уже за несколько столетий тому назад говорят о народе „ха-са-ки“¹.

Изучение этнического состава казахов и в наше время показывает не только чрезвычайную его пестроту, но и неоднородность различных родо-племенных групп, образующих казахскую нацию. Например, родо-племенные названия: уйсуны, канглы, найманы, дулаты, аргыны — встречаются в настоящее время в различных территориальных районах. В этом отношении особенно характерен этнический состав казахов Западного Казахстана. Говоря словами Н. А. Аристова, «... состав малой Орды весьма пестрый, ибо в нее, видимо, вошли многие части разных тюркских племен, закинутые судьбою из Монголии и с востока степи на запад»². Вполне очевиден и тот факт, что процесс смешения, слияния различных племен на территории Казахстана происходил очень давно, в период еще до образования единой казахской народности, о чем и говорит В. В. Радлов.

Таким образом, смешение или слияние различных племен и родов, сложение их в единую народность, а также дальнейшее развитие этой народности в условиях весьма подвижного скотоводческого хозяйства не могли не привести к растворению, ассимиляции прежних родо-племенных диалектов. Однако надо оговориться, что растворение или ассимиляция родо-племенных диалектов не означает абсолютного исчезновения их. Речь идет об утрате всей совокупности специфических черт каждого из родо-племенных диалектов. Отдельные элементы, особенно фонетического характера, могут сохраняться в виде реликтов в разговорном языке или в отдельных говорах, возникших позже, в период развития единого языка народности.

Характер и количество диалектов и говоров, а также их соотношение на всех этапах истории развития языка не могут быть постоянными. В зависимости от общественно-экономических условий и состояния культуры, а также в условиях новых взаимоотношений с другими народами диалектные черты языка изменяются. Например, диалекты, их особенности, а также территория их распространения периода племен и племенных союзов, с одной стороны, и периода развития единой народности, с другой, не могут совпадать, хотя в последнем периоде отдельные элементы племенных диалектов могут присутствовать. Следовательно, определение и тем более классификация современных диалектных различий на основе сохранившихся в народе родо-племенных названий, не имеют реальной основы.

Один из крупных русских диалектологов Р. И. Афаносов на материалах русской диалектологии показывает качественно различные закономерности языкового развития на разных этапах истории. Он пишет: «Различные закономерности общественного развития в эпоху разных общественно-экономических формаций вызывают качественно различные закономерности языкового развития. Одни эпохи вызывают по преимуществу дробление языка, образование множества близких друг к другу диалектов; в другие эпохи, напротив, происходит объединение, концентрация этих диалектов в больших или меньших масштабах. В соответствии с этим в одни эпохи по преимуществу возникают диалектные различия, а в другие происходит нивелировка, сглаживание, объединение диалектов. Весьма часто одновременно имеют место оба эти процесса: в одних, в бо-

¹ В. В. Радлов, Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, ч. III, СПб., 1870, стр. XIV.

² Н. А. Аристов, указ. соч., стр. 111.

лее узких, пределах происходит объединение диалектов, а в других, более широких, напротив, — дальнейшее их расхождение, выработка новых диалектных различий¹. Эта характеристика закономерностей развития диалектов вполне справедлива и в отношении казахских диалектов. Современные диалектные различия казахского языка представляют собою новое образование, возникшее в период феодализма, когда окончательно сложилась единая казахская народность, т. е. после XV в.; следовательно, они — эти диалектные различия — не являются племенными.

С. А. Аманжолов судит о связи современных диалектов с родо-племенными языками не на основе языковых фактов, а исходя из сходства родо-племенных названий этнических компонентов казахов и древних племен. Он совершенно не учитывает того положения, что многие из этих этнонимов существуют у других тюркоязычных народов, например у узбеков, киргизов, башкир, татар и др. Эти этнические группы с одинаковыми или сходными названиями ныне говорят на разных языках. Объяснение причин общности их названий при громадном расхождении в языке находим у Ф. Энгельса. «На северо-американских индейцах, — пишет Энгельс, — мы видим, как первоначально единое племя постепенно распространяется по огромному матерiku; как племена, расчлениаясь, превращаются в народы, в целые группы племен, как изменяются языки, становясь не только непонятными один для другого, но и утрачивая почти всякий след первоначального единства; как наряду с этим внутри племен отдельные роды расчлениаются на несколько родов, старые материнские роды сохраняются в виде фратрий, причем, однако, названия этих старейших родов остаются все же одинаковыми у очень отдаленных и давно отделившихся друг от друга племен — волк и медведь остаются родовыми названиями еще у большинства всех индейских племен»².

Современные родственные тюркоязычные народы в своем историческом развитии настолько отделились от своих древних предков, что следы языкового единства потеряны. Следовательно, одни родо-племенные названия, кроме намека на существование некогда отдельных племен и родов, никаких данных о языковой связи дать не могут.

3

Как упоминалось выше, современные диалектные различия казахского языка мы рассматриваем как явление, возникшее после XV в., т. е. в период развития единого языка казахской народности при феодализме. Они по своим признакам не совпадают ни с племенными языками (диалектами), ни с утратившими давным-давно свое значение родо-племенными делениями казахов. Современные диалектные различия казахского языка обусловлены специфическими особенностями общественно-экономической и культурной жизни отдельных частей казахского населения, находящихся в различных районах обширной территории Казахстана. Немаловажное значение для возникновения диалектных различий имело взаимоотношение отдельных частей казахского населения с другими народами.

Диалектные различия казахского языка проявляются в определенных особенностях народной речи, которые прослеживаются в области фонетики, лексики и грамматики. В области фонетики мы наблюдаем следующие диалектные различия.

¹ Р. И. Аванесов, Очерки русской диалектологии, ч. 1, М., 1949, стр. 21.

² Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1952, стр. 98.

В начале, а иногда в аффиксах и в конце слова чередуются *ч/ш*. Например: *шай/чай* «чай», *шапан/чапан* «халат», *шоқпар/чоқпар* «дубина», *шалғы/чалғы* «коса», *шыбын/чыбын* «муха», *шығын/чығын* «расход», *бірінші/бiрiншi* «первый», *әншi/әнчi* «певец», *қамшы/қамчы* «кнул» и т. д.

Прежде мы предполагали, что употребление аффрикативного *ч* в начале слова свойственно по преимуществу языку населения южных областей. Однако дополнительное обследование показало, что употребление *ч* вместо *ш* имеет место также в юго-восточных районах, в частности в Талды-Курганской и Восточно-Казахстанской областях. Таким образом, употребление *ч* в начальной позиции распространено на огромной территории, начиная от Сыр-Дарьи до Западного Алтая и Тарбагатая. В Каратайском и Аксуйском районах Талды-Курганской области и в Тарбагатайском, Зайсанском, Курчумском районах Восточно-Казахстанской области говорят *чикi* вместо *шикi* «сырой», *чакпак* вместо *шакпак* «серянка, спичка», *чуберек* вместо *шуберек* «тряпка», *көпчiлiк* вместо *көпшiлiк* «большинство», *чал* вместо *шал* «старик», *камчы* вместо *камыш* «кнул», *бiрiншi* вместо *бірінші* «первый»¹. Аффрикативному *ч* юга и юго-востока в остальных областях, в частности северных, северо-западных и западных, соответствует проточный *ш*. Однако из этих двух чередующихся звуков в качестве общелитературной нормы употребляется в начальной позиции *ш*.

Судя по району наибольшего распространения аффрикативного *ч* можно предполагать, что он, видимо, возник позже *ш* под влиянием уйгурского, киргизского и узбекского языков, в которых этот звук является устойчивой фонемой. В пользу этого предположения говорят следующие факты. Во-первых, казахи юга и Семиречья с давних времен имели непосредственное соприкосновение с уйгурами, киргизами, узбеками, а местами жили и ныне живут смешанно. Во-вторых, есть и некоторые исторические сведения, свидетельствующие о том, что в XI в. в языке казахских племен, населявших южные районы Казахстана, употреблялся *ш*, а не *ч*. Так, В. В. Бартольд в своей работе «К вопросу о языках согдийском и тохарском», ссылаясь на Махмуда Кашгарского, пишет следующее: «Махмуд Кашгарский говорит о крепости Шу, построенной турецким царем этого имени, современником Александра Македонского, близ Баласагуна, которого в то время еще не было (Махмуд Кашг., Турец. изд., ч. III, стр. 305). Надо думать, что крепость стояла на реке того же имени и что в местном диалекте и тогда, как теперь в киргизском, звук *ч* заменялся звуком *ш*»². Населением побережья реки Шу ныне последовательно употребляется звук *ч*. Реку Шу называют Чу. По данным же Махмуда Кашгарского, на которого ссылается В. В. Бартольд, вместо *ч* употреблялся *ш*, как в языке казахов, живущих на севере и западе. Следовательно, появление *ч* относится, видимо, к позднему периоду и является следствием влияния уйгурского, киргизского и отчасти узбекского языков.

К следующему, более ярко выраженному звуковому различию диалектов казахского языка относится чередование *л/д*. Приблизительно в районах распространения *ч* главным образом после носовых *ң*, *н*, а иногда в интервокальной позиции вместо общелитературного *д* употребляется *л*. Это особенно характерно для языка населения Алма-Атинской, Джамбулской и Южно-Казахстанской областей, где говорят: *маңлай/маңдай* «лоб», *таңлай/таңдай* «нёбо», *тыңла/тыңда* «слушай», *аңлы/аңды* «следы, про-

¹ См. Ж. Доскараев, Г. Мусабаяев, указ. сборн., ч. I, стр. 44.

² Сб. «Иран», т. I, Л.-Изд-во АН СССР, 1927, стр. 36.

следы», *аңла/аңда* «понимай», *тірІлей/тірІдей* «живьем», *оңлы/оңды* «исправный, хороший» и т. п. Замена звонкого переднеязычного *д* сонорным *л* в слабой степени распространяется до Северного Приаралья и Зайсана на востоке. Например, в Иргизском районе говорят *қоңлану*, *қаралай*, *тірІлей* вместо общелитературного *қоңдану* «поправиться», *қарадай* «в необработанном виде», *тірІдей* «живьем, живым». То же самое наблюдается в Талды-Курганском, Каратальском районах Талды-Курганской области и Тарбагатайском, Зайсанском районах Восточно-Казахстанской области, где говорят *тыңлау*, *туңлқ*, *теңлқ*, *маңлай* вместо *тыңдау*, *түндік*, *теңдік*, *маңдай* (перевод этих слов дан выше).

Некоторые данные свидетельствуют о том, что употребление *л* после носовых сонорных *ң*, *н* вместо современного *д* является более архаичным. Сочетание *л* с сонорными *ң*, *н* отмечено в памятниках VIII—XIV вв. В частности, в памятнике Кюль-Тегина глагол *тыңда-* зафиксирован в форме *тыңла-*, как в языке казахов юга и юго-востока. Например, *ка-тығды тыңла* «крепко слушай»¹; в «Codex Sumanicus» глагол *аңда* «понимай» зафиксирован в форме *аңла*. Эти незначительные, но очень характерные факты заставляют предполагать архаичность употребления *л* и новизну *д* в этой позиции.

Кроме этих двух главных звуковых явлений, встречаются и другие фонетические расхождения, к числу которых относятся, например, чередования *с/ш*, *т/д*, *д/й*, *м/б*, *п/б* и др. Например:

1. *с/ш*: *тексер/текишер* «проверяй», *тұрмыс/тұрмыш* «жизнь», *житте», масқара/машқара* «позор», *тысқары/тышқары* «вне», *ұқсас/ұқшаш* «сходный, похожий», *мысық/мышық* «кошка» и т. д.

2. *т/д*: *топ/доп* «мячик», *тым/дым* «очень», *тірмен/дірмен* «мельница», *теңіз/деңіз* «море», *тізгіл/дізгіл* «повод», *тізе/дізе* «колено».

3. *п/б*: *пайда/байда* «выгода», *болат/полат* «сталь», *пида/бұйда* «шнур», *перне/берне* «лады», *пиялай/биялай* «перчатка».

4. *м/б*: *мекіре/бекіре* «красная рыба», *шымыш/шыбыш* «воробей», *шыбыш/шымыш* «козленок», *матыру/батыру* «макать» и т. д.

Фонетические различия этого рода имеют некоторые особенности, отличающие их от первых двух звуковых явлений. Так, некоторые из этих различий не закреплены за определенной территорией. Вместо общекзахского *с* во многих районах в отдельных словах употребляется *ш*. Например, *ұқшаш* «похожий», *тышқары* «внешний», *мышық* «кошка», *тұрмыш* «жизнь», *машақ* «колос», *текишер* «проверяй» встречаются в языке населения отдаленных друг от друга аулов Убаганского, Торгайского районов Кустанайской области, Каратальского, Аксуйского районов Талды-Курганской области и в ряде районов Джамбулской, Кызыл-Ординской и Карагандинской областей.

Наравне с этим некоторые из фонетических различий оказываются типичными для населения определенных, сравнительно небольших районов. Например, в языке населения Северного Приаралья имеет место употребление широкого губного гласного заднего ряда *о* вместо узкого губного гласного заднего же ряда *ұ*. Ср. *сора, оқсат, оқсас* вместо общелитературного *сұра* «спроси», *ұқсат* «делай как следует» *ұқсас* < *ұқшаш* «похожий». Несколько западнее, примерно в Приуралье, мы наблюдаем обратную картину, т. е. замену обычных открытых гласных узкими губными гласными. Например: *құртынды*, *құлдау*, *мақсұт*, *құлдану* и т. д. вместо общелитературного *қортынды* «заключение»,

¹ См. С. Е. Малов, Памятники древнетюркской письменности, М. — Л., 1951, стр. 27.

қолдау «поддерживать», *қолдану* «применять». В Туркестане мы имеем более или менее типичное для этого района явление — замену звонких *д*, *б* глухими *т*, *п*. Например, *пейнет*, *полат*, *перне*, *этейІ*, *пешене*, *пІтІру*, *таяр* вместо *бейнет*, «мука», *болат* «сталь», *берне* «лады», *эдейІ* «специально, нарочно», *бешене* «судьба», *бітІру* «кончать, заканчивать», *даяр* «готовый». Такие типичные звуковые особенности существуют и в языке населения других районов.

Таким образом, на основе вышеприведенных фактов с уверенностью можно говорить о двух главных группах диалектов, охватывающих две части территории Казахстана. Это группа диалектов *ш*, *д* на севере и западе и *ч*, *л* на юге и юго-востоке. Наряду с этим имеют место мелкие фонетические особенности, охватывающие более узкие районы, и наконец, существуют еще единичные фонетические расхождения, характерные для более дробных территориальных говоров.

Диалектные различия казахского языка более четко проявляются в разнообразии народной лексики. Большую часть собранных диалектологическими экспедициями материалов составляют лексические материалы. Они по своему объему значительно превышают материалы фонетические и по качественному составу являются чрезвычайно разнообразными. К диалектным расхождениям могут быть отнесены различные лексические явления. Так, для казахских говоров и диалектов характерно, что одно и то же понятие в языке населения разных районов получает разное словесное оформление, например, «спичка» в различных районах распространения казахского языка имеет следующие названия: *сіріңке* (от русского слова «серянка»); *спешке* (от русского слова «спичка»); *оттық* (от слова *от* «огонь»); *шақпақ* (от слова *шақ* «чиркнуть»); *көгірт* (заимствовано из узбекского языка, в казахском будет *күгірт*); *шырпы* и др. Русскому «деньги» соответствуют: *теңге* (от русского слова «деньги»); *сом* (видимо, от русского слова «сумма»¹); *ақша* (от казахского слова *ақ* «белый»); *пул* (видимо, заимствовано из персидского языка через узбекский или уйгурский языки); *манет* (от русского слова «монета») и проч. «Балка» (брус) в различных говорах называется: *матке*, *арқалық*, *ұстын*, *балағаш*, *урлқ*, *көшер*, *білқ*.

Бывает и другой тип лексических различий, когда одно слово в различных районах имеет совершенно разные значения, например, слово *қарма* в Джамбулской области означает «жареная крупа», а в Кызыл-Ординской области «блюдо, приготовленное из фаршированной рыбы». Слово *көрІм* в Талды-Курганской области означает «хороший, приятный», а в Гурьевской области «плохой, неприятный». Слово *аула* — на севере «хлев», а на западе «курган».

Особую разновидность лексических различий составляют слова, бытующие только в определенной местности и не имеющие своего лексического соответствия в других районах. В языке населения Южного Казахстана, где развито бахчеводство, бытует много специфических слов, связанных с этой отраслью хозяйства, например, слова, *қурбі*, *ингелек*, *кулайбі*, *торлама*, *құсқауын*, *көксерке* в этом районе обозначают различные сорта дынь, которые отсутствуют в других местах. В районах, где занимаются рыболовством, употребляется специальная рыболовецкая терминология, например: *қарашорқын* «группа рыбаков»; *ақап* «разновидность сетей», *белкесе* «спинная часть рыбы», *шелік* «деревянная игла для ремонта сетей», *қурліп* «маленькая рыба», *тартым* «место, приспособленное для вытаскивания сетей» и т. п.

¹ На эту мысль наводит наличие в литературном языке слова *сума*, что означает «сумма».

В районах, где население больше занималось верблюдоводством, мы встречаем специфические слова, обозначающие дифференциацию названия верблюдов по породам, по возрастам, например: *жон, курт, балқоспақ, мырза қоспақ, жарбай, келе* и т. п. Эти названия в других местах не встречаются.

В образовании лексических различий, кроме хозяйственной специфики районов, немаловажное значение имел контакт населения определенного района с другими народами. Об этом свидетельствует, например, различное количество заимствованных из других языков слов в языке населения разных районов; например, в языке населения Семиречья много слов, заимствованных из киргизского и уйгурского языков: кирг. *кементай*, казах. *кебентай* «халат из войлока», кирг. *карма*, казах. *карма* «держки», «поймай», уйгур. *чаңза*, казах. *чанжа* «стропила». В языке казахов Южного Казахстана употребляется много узбекских слов, например, *дезмал* «утюг», *мэйек* «яйцо», *дэблам* «свекла», *шамал* «ветер» и др. В речи населения северных и западных областей больше встречается русских слов, например, в Убаганском районе Кустанайской области говорит *залыш* (от русского слова «залез»), *ураш* (от русского слова «рожа») и т. д. Надо заметить, что каждое из этих различий в основном существует в границах определенного, причем сравнительно небольшого района. Судя по материалам диалектологических экспедиций в казахском языке существуют несколько таких местных говоров. Однако диалектологические материалы еще далеко не достаточны для того, чтобы можно было дать классификацию всех говоров. На основе имеющихся в нашем распоряжении данных и личного наблюдения предположительно можно наметить наличие четырех говоров в языке населения южной полосы Казахстана (от Северного Приаралья до восточного предела Семиречья), а именно: сыр-дарьинский, чимкентский, чуйский и семиреченский говоры. Сыр-дарьинский говор характерен наличием специфических слов, связанных с рыболовством, рисоводством. Чимкентский говор отличается своеобразием лексики, связанной с садоводством, бахчеводством, хлопководством, а также значительным влиянием узбекского языка. Чуйский говор охватывает территорию между юго-западом и юго-востоком, характеризуется наличием значительного влияния киргизского языка. Наконец, семиреченский говор охватывает ныне две области (в прошлом одна область) — Алма-Атинскую и Талды-Курганскую. Он характеризуется лексикой, отражающей основное занятие населения — животноводство, земледелие, садоводство, а также известным влиянием уйгурского и частично киргизского языка.

Кроме фонетических и лексических различий народной разговорной речи, диалектные черты в известной степени обнаруживаются и в своеобразии грамматических форм, а также в фразеологии. Подробная характеристика этих особенностей заняла бы много места, поэтому ограничимся лишь приведением некоторых примеров.

Значительная часть диалектных расхождений отмечается в формах глагола. Во многих районах Кустанайской области довольно последовательно употребляется древняя причастная форма на *-мыш*, например: *жетілmiş* // *жетілген* «достигший»; *жазымыш* // *жазылган* «написанный»; *айтылмыш* // *айтылган* «сказанный»; *таңданмыш* // *таңданган* «удивленный» и проч. Нам кажется, что употребление аффикса *-мыш* вместо *-ган* объясняется влиянием книжного языка. В этих районах довольно широко и раньше, чем в других областях, распространялась литература, издававшаяся в Казани, в Уфе, Оренбурге, Троицке. Как известно, эта литература обычно печаталась на особом книжном языке, отличавшемся от общепародного языка наличием многих элементов чагатайского, арабского, персидского, татарского языков. Форма на *-мыш* довольно часто

употреблялась в этом книжном языке. В районах этой же области аффиксы *-са, -сы* в некоторых случаях заменялись аффиксами *-шақ, -шек*, например: *алашақ, берешек* вместо *аласы < аласа, бересі < бересе* «притягивающий долг».

В районах западных областей, а также и в пределах Актюбинской и Кызыл-Ординской областей употребляется форма на *-жақ, -жек* вместо *-шақ, -шек*, например: *бержақ/бершек* «должен отдать», *айтажақ* «должен сказать» и т. п. Одновременно в этих же районах западных областей вместо обычной формы давнего прошедшего времени, например, *келіпті* «он пришел», *көріпті* «он видел» употребляется форма на *-улы, -улі*, например, *келулі* «оказывается, приехал», *көрулі* «оказывается, видел».

На огромной территории юга и юго-востока распространена сокращенная форма 1-го лица повелительного наклонения на *-лы, -лі*, например, *баралы* вместо *барайық* «пойдемте», *журулі* «идемте». На севере и западе одновременно с формой на *-лы, -лі* существует форма на *-лық, -лік*. Ср., например, *баралық < баралы, журулік < журулі*. Очевидно, форма на *-лы, -лі* образовалась путем выпадения звука *к/к* в аффиксе *-лық, -лік*, что объясняется влиянием узбекского и уйгурского языков¹. Такие же расхождения прослеживаются и в отношении других грамматических форм.

Различия в области фразеологии могут быть проиллюстрированы следующими примерами. В районе Сыр-Дарьи говорят *бір ауық* вместо *бір уақыт* или *бір мезгіл* «один момент»; в Кустанайской области говорят *кіл өтірік* вместо *тіпті өтірік* «сущая неправда», *сазадан көріну* вместо *жақыннан көріну* «быть видным вблизи».

Говоря о различных формах проявления диалектов или говоров, нельзя не отметить то положение, что границы фонетических, лексических, морфологических и особенно фразеологических различий не совпадают. Как видно из вышеприведенных фактов, одни диалектные признаки распространены сравнительно на большой территории, а другие охватывают лишь небольшой район.

Следует также сказать, что говоры в большей степени обнаруживаются в лексических различиях, чем в морфологических и фонетических, хотя вместе с тем они могут иметь и фонетические, и морфологические признаки. Например, говорам юга и юго-востока, о которых речь шла выше, в фонетическом отношении свойственно употребление *ч, л*. Это — общий их признак. В отношении же лексики среди них могут быть выделены несколько мелких говоров. Поэтому при изучении диалектов и говоров казахского языка необходимо обращать особое внимание на выявление общих черт соответствующих говоров, точно устанавливая при этом их специфические признаки.

Есть еще один вопрос, который связан с диалектами. Это вопрос о диалектной основе казахского национального литературного языка. С. А. Аманжолов — как нам кажется, умозрительно — утверждает, что в основу письменного-литературного и национального языка лег так называемый «северо-восточный» диалект².

Вопрос о диалектной основе национального литературного языка должен быть решен после изучения всех диалектов казахского языка, их состояния и соотношения в момент зарождения литературного языка.

В заключение следует еще раз сказать, что казахские диалекты требуют дальнейшего глубоко научного изучения и исследования.

¹ См. Н. Т. Сауранбаев, О категории лица повелительного наклонения, «Известия АН Казах. ССР», № 135, Серия филологии и искусствоведения.

² См. С. А. Аманжолов, О диалектах казахского языка, ВЯ. 1953, № 6, стр. 92.